

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

X ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1974

12. - Сведения, полученные Козыревским от Киюти и сделанный им чертеж Японии дополняют сведения, полученные ранее от Денбоя. Дошедшие после экспедиции Козыревского в 1713 г. до Тобольска, они стали известными и в Москве, значительно пополнив представления о Японии в Петровское время.

- 1) Г.Ф.Миллер, Описание морских путешествий Миллера, "Сочинения и переводы", 1758 г., т.1, с. 305.
- 2) "Ниппон Ракиси", № 232, сентябрь 1967 г., с. 69-78.
- 3) Там же, с.77.
- 4) "Языки и история народностей крайнего Севера СССР", Уч. записки ЛГУ, № 157, 1958 г., с. 167-199 и приложение к статье, с.200-207 с вкладышем-фотокопией чертежей.

М.Б.Руденко

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ОБРЯДОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КУРДСКОМ ОБРЯДОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Похоронные причитания, связанные с одним из наиболее консервативных и исторически-устойчивых обрядов - обрядом погребения, естественно, сохранили следы и отголоски древнейших ритуалов и представлений. В погребальных плачах содержится уникальный материал, позволяющий в ряде случаев воссоздать модели исторической этнографии, выявить исчезнувшие верования и культы. Не случайно именно этот жанр фольклора обратил на себя особое внимание В.И.Ленина, который, ознакомившись с книгой Е.Барсова "Причитания северного края", охарактеризовал народные плачи, как "... ценнейший материал", как "... подлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии"¹⁾

Без изучения народной психологии невозможно правильно осветить вопросы истории духовной культуры того или иного народа, представить процессы ее формирования.

Сохранившийся у курдов и впервые отмеченный нами обычай исполнять свадебные причитания на похоронах юноши или девушки представляет, по-видимому, реминисценцию древнего обряда имитации свадьбы на похоронах молодых, не вступивших в брак.²⁾ Ритуал этот

старый, как само человечество, встречается и в наши дни у целого ряда народов земного шара ³⁾ У одних народов обряд этот продолжает жить в полном виде, когда похороны справляют, как свадьбу; умершей (умершему) выбирают из числа живых жениха (невесту), который (которая) потом считается зятем (невесткой) родителей покойной (покойного). ⁴⁾ У других народов обряд этот сохранился частично: покойника хоронят в свадебном наряде, или просто кладут в гроб отдельную деталь свадебного наряда, ⁵⁾ или же исполняют на похоронах свадебные причитания.

У курдов, судя по проведенным нами полевым исследованиям, обряд этот в полном виде не сохранился; нет его и в памяти стариков. Однако, отражение его можно усмотреть как в отмеченном уже обычае исполнять на похоронах свадебные причитания, так и в отдельных памятниках средневековой курдской литературы, в частности в поэме крупнейшего курдского классика – Ахмеда Хани (XVII век) "Мам и Зин", где героиня поэмы – Зин, почувствовав приближение смерти, завещает обставить свои похороны, как свадьбу:

Устрой веселый пир, приготовь угощения и увеселения,

.....

Наполни блюда для нисара,

Пусть сойдутся бедняки на твой зов,

.....

Приготовь приданое и сделай все, как на свадьбе ,

.....

Сделай погребальные носилки расцвеченными и позолоченными,

И искусно разукрашенными инкрустацией. ⁶⁾

Обычай имитации свадьбы на похоронах служит удовлетворению инстинкта прокреации при народном представлении о том, что покойный продолжает загробное существование так же, как и на земле. ⁷⁾ Свидетельством тому, что у курдов существовали элементы такого представления, может послужить текст записанного нами причитания:

Gelf p'orkuġa, gulfyê xwe jêkin kekê meġa têkine do-bevsare,
Bra kekêin here nav êla giran
Bra nevêjin kekê Gulfer çî syarekî bê p'ergale!⁸⁾

⁸⁾ Записано со слов Чиле Мехо, род. в 1910, родители – выходцы из Турции, живет в Кечи-Веди (Арм.ССР), неграмотная. Пользуюсь случаем принести всем моим сказителям и информаторам –

О, несчастные,^X срежем свои косы,

Сплетем отцу нашему обруч и узду.

Когда отец наш попадет в великое племя,

Пусть не скажут: "Какой плохо снаряженный всадник - отец
Голизар!"

Отразившийся в вышеприведенной песне обычай обрезания волос, известный у многих народов, в том числе и у иранских,⁸⁾ и олицетворяющий ритуал убийства жены на могиле мужа, перешедший с течением времени в пожертвование женой части своего существа вместо целого (*partem pro toto*) также вытекает из стремления удовлетворить тот же инстинкт прокреации.⁹⁾ Все это говорит о том, что верования курдов о загробной жизни в известной степени отражают очень раннюю стадию цивилизации, когда народы представляли себе загробную жизнь, как продолжение жизни земной (теория продолжения) в отличие от более позднего представления, когда загробная жизнь мыслилась как награда или возмездие за совершенные при жизни дела и поступки (теория возмездия).¹⁰⁾

X X

X

Интересную деталь другого пережиточно сохранившегося у курдов погребального обряда "коталь" позволяет восстановить текст одной из записанных автором этих строк похоронных песен:

Hey lo-lo, syaro, ç'iyayê bilind berfê dilolandin,

Lê dibê t'ûmê newşenê welgeTandin

Mêrê mêrxas mêr dikuştin extirme vedigerandin.^{XX}

Хей-ло, о всадник, с высоких гор снега низвергаются,

Выкорчевывают кусты конского шавеля,

Алийе Джанго, Ахмеду Апо, Латифу Бро, Шаре Мурадовой, Задь Осмаку, а также моим помощникам в собирании полевых материалов - Морозу Мамедову, Али Авдаррахману и Сургуне Бело свои живейшую признательность.

X букв. "с обрезанными волосами".

XX Записано со слов Алийе Джаво, род. в 1892 г.; родители - выходцы из Турции, живет в Тбилиси, неграмотный. Пользуюсь случаем выразить ему, а также всем моим сказителям, информаторам и помощникам в собирании полевых материалов по фольклору и этнографии глубокую признательность.

Храбрые мужи мужей убивали, угнанных коней назад
пригоняли.

Эту песню можно было бы принять за героическую, повествующую о сражении и военных набегах. Однако, привязанность ее к погребальному обряду и восприятие ее носителями языка, как песни похоронной, настораживает.

Слово "extirme" (*قتارمه*) в последней строке песни означает в тюркском "военная добыча, грабеж, контрабанда"¹¹⁾, в курдском оно получило значение "угнанные кони, угон коней"¹²⁾.

Интересно, что в среднеперсидском письменном памятнике "Воспоминание о Зарере" — есть упоминание о том, что Баствар — сын Зареры — брата иранского царя, возвращает угнанного коня, принадлежавшего его павшему в сражении отцу, из стана своего врага — злого волшебника — Видрафа: "Puis Bastwar enlève à Vidrafâ les ornements et le cheval que le sorcier avait pris à Zarer et retourne parmi ses compagnons".¹³⁾

Отправляясь во вражеский стан и подвергая себя большой опасности, Баствар, по-видимому, руководствовался не просто стремлением вернуть военную добычу (в данном случае коня); можно с долей вероятности предположить, что Баствару надо было непременно вернуть коня, принадлежавшего именно Зарере с какой-то определенной целью.

Видимо, существовала традиция не оставлять коня в стане врага, в случае, если владелец его был личностью выдающейся; традиция, очевидно, состоявшая в связи с погребальным обрядом. Этим участником коня, принадлежавшего убитому, было непременно.

У курдов сохранился пережиточный погребальный обряд "котэль", который состоит в том, что оседланного и взнузданного коня (на седло кладется одежда и оружие покойного) в день погребения водят перед домом умершего. Хотя в настоящее время у курдов конь, участвующий в обряде "котэль", не обязательно должен принадлежать умершему, однако, судя по свидетельству некоторых информаторов, в старину для участия в упомянутом обряде брали коня, составлявшего непременно собственность покойного.¹⁴⁾ Это обстоя-

¹¹ На связь последней строки песни с цитируемым эпизодом из "Воспоминаний о Зарере" обратила мое внимание доцент Московского университета В.Б.Никитина, которой я выражаю свою признательность.

¹² "... Roja ku c'el kin , hespe miri (niha, herge hespe

тельство наталкивает на мысль о связи между текстом цитируемой похоронной песни и "Воспоминанием о Зерере". Соответственно смысл последней строки состоит в том, что угнанных коней павших героев пригоняли назад с определенной целью: обеспечить участие принадлежавших павшим воинам коней в траурном обряде "котель".

---

wf t'unebya, heşrê cınara tınin, lê berê heşr e'ise gerekê malê mirî hebya) zîn - mîsat dîkin, ç'ek - silh'ê mirî û k'incê wf davêne ser zîn..."

"... в день погребения коня покойного (теперь, если у покойного лошади не было, берут соседскую, но раньше она непременно должна была составлять собственность умершего), седлают, на седло кладут оружие и одежду покойного..."

Записано нами в 1967 г. в полевых условиях со слов Окойе Слемана, род. в 1891 г., выходец из г.Карса (Турция), живет в Корых-Бугазе (Армянская ССР), неграмотный.

---

1) В.Д. Бонч-Бруевич, В.И. Ленин об устном народном творчестве. Советская этнография, № 4, 1954 г., с. 118.

2) М.Б. Руденко, Курдские лирические чужбинные песни "dîlokê xerîbfûş" и их связь с погребальным обрядом. III и ПИКНВ, т. IX, 1978, с. 112-115.

3) F. Mahler, Die russische Totenklage, Leipzig, 1935, с. 391-408 (там же - библиография).

4) Л.С. Кавтаськин (Мордовский НИИЯЛЭ), Пережитки обрядов и причитаний, связанных с древним мордовским обычаем свадьбы при похоронах умершей девушки. Доклад, прочитанный в Ленинграде на всесоюзной конференции "Фольклор и этнография" в 1971 г.

В.П. Милорадович, Сборник малорусских песен Лубенского уезда Полтавской губернии, см. сб. Харьковского историко-филологического общества, т. 10, Харьков, 1897, с. 175.

5) Там же.

6) Ахмед Хани, Мам и Зин. М., 1962, с. 192-194.

7) В.П. Милорадович, указ. соч., с. 175.

8) Там же; Н. Хаязин, Этнография. СПб., 1905, с. 204.

9) В.П. Милорадович, указ. соч., с. 175.

- 10) Н.Харузин, указ.соч., с.204.
- 11) В.П.Радлов, Опыт словаря турецких наречий, СПб., 1893, т.1, с.119; А.Д.Будегов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, Сиб., 1869, т.1, с.38.
- 12) A. Jaba, Dictionnaire kurde - français, Spb, 1868, p.8, К.А.Курдоев, Курдско-русский словарь, М., 1960, с.234.
- 13) E. Benveniste, Le mémoire de Zager. Journal Asiatique, 1932, Avril-Juin, с.287.

А.Г.Савинки

МОНГОЛЬСКАЯ ВЕРСИЯ ЛЕГЕНДЫ О ЧОЙДЖИД-ДАГИНИ

Легенда о Чойджид-дагнини (монг. Номун джиргаланг-ту дагнини)¹⁾ родилась в Тибете или, что более вероятно, в тибетоязычных областях к северу от Тибета.²⁾ Первоначально она существовала в устной форме, причем рассказчик, повествуя о скитаниях дэви Чойджид по подземному царству Эрлиг-хана, мимически изображал персонажи этой легенды.³⁾ Впоследствии эта легенда была записана и, попав к монголам в форме "Повести о Чойджид-дагнини" получила дальнейшее развитие и обработку. В ряде крупнейших монастырей Монголии, в том числе в ургинском Yeke küriye, путешествие Чойджид-дагнини изображалось в лицах во время больших религиозных празднеств и было очень любимо монголами.⁴⁾ О широком распространении "Повести о Чойджид-дагнини" среди монголов, бурятов и ойратов свидетельствует довольно большое число рукописей этого произведения.⁵⁾ Вероятно, фольклорное происхождение повести вполне может объяснить отсутствие сведений в рукописях и ксилографах об авторе и времени появления этого произведения. В.Хейсиг относит время знакомства монголов с этой повестью к XIX веку, основываясь на том, что все рукописи и ксилографы датируются этим временем.⁶⁾ Однако в колофонах бурятского ксилографа, ойратской литографии, а также некоторых рукописей, хранящихся в Ленинграде⁷⁾ сообщается, что "Повесть о Чойджид-дагнини" перевел Oytayui-yin dalai rab-byams Zay-a bandida. Речь идет об ойратском Зая-пандите (1599-1662 г.г.) и, следовательно, появление перевода повести на монгольский язык можно отнести к XVII веку. До конца XIX века это произведение существовало исключительно в рукопи-